

Геноцид сербского народа в независимом государстве Хорватия

В 1941 г. на обломках унитарной Югославии, распавшейся после первого же сильного внешнего удара, вспыхнула ожесточенная межэтническая война. Пламя этой войны в то время удалось погасить, но ее последствия, в виде взаимного недоверия, вызванного памятью о злодеяниях, совершавшихся в ту войну всеми воюющими сторонами, долгие годы отравлявшие отношения между сербами и хорватами, стали, в конечном счете, одним из факторов, способствовавших возникновению новых межэтнических конфликтов на Балканах.

В апреле 1941 года войска гитлеровской Германии и ее союзников оккупировали территорию Югославии. Разгромом Югославии воспользовались хорватские националисты – члены и сторонники Усташской (Повстанческой) хорватской революционной организации, которая с 1929 г. вела вооруженную борьбу за создание суверенного хорватского государства. 10 апреля 1941 г., накануне вступления в Загреб войск Вермахта, лидер загребских усташей С.Квартерник провозгласил создание Независимого государства Хорватия (НГХ) [9, 30]. 16 апреля прибывший в Загреб поглавник (вождь, фюрер) усташей Анте Павелич сформировал правительство, в которое вошли видные усташы и националистически настроенные лица [13, 8]. Гитлер и Муссолини направили Павеличу приветственные телеграммы, признав создание нового государства [9, 30 – 31]. Вскоре НГХ признали и другие государства фашистского блока. Базой режима Павелича стали националистически настроенная часть хорватского населения и влиятельное католическое духовенство.

Помимо собственно хорватских земель в состав НГХ вошли обширные территории со смешанным населением (Босния и Герцеговина, Славония). В 1941 г. население НГХ составляло около 6,3 млн. человек, в том числе 3,3 млн. хорватов, 1,9 млн. хорватов, 700 тыс. мусульман, 150 тыс. немцев, 40 тыс. евреев [2, 106]. Столь пестрый этнический состав противоречил усташской концепции национального государства, которое понималось ими как государство моноэтническое. Идеологи усташества (Маканец, Оршанич, Црљен,

Павелич) считали, что хорваты – народ «арийского происхождения», потомки готов, не имеющие ничего общего со славянами [16]. Хорваты в глазах усташей воспринимались в качестве защитников Европы от Востока, «византизма» и «варварства», ассоциировавшихся с сербами [11, 90].

С первых же дней существования НГХ усташское правительство развернуло активную деятельность по превращению НГХ в подлинно моноэтническое государство. Взяв на вооружение концепцию крупнейшего идеолога хорватского национализма XIX века А.Старчевича о том, что мусульмане суть те же хорваты, исповедующие ислам [10, 363 – 364], Павелич пошел на провозглашение боснийских мусульман частью хорватской нации, что явилось шагом, направленным на решение проблемы полиэтничности. В интересах союза с мусульманами Павелич назначил на пост вице-премьера в первом правительстве НГХ Д.Куленовича, лидера Югославской мусульманской организации [13, 8]. Закон о расовой принадлежности причислил мусульман к «арийской расе», причем процедура доказательства арийского происхождения для мусульман была облегчена, по сравнению с хорватами-католиками [13, 42]. Министр по делам религии и образования М.Будак даже заявил о том, что «НГХ является исламским государством повсюду, где люди исповедуют мусульманскую веру... наши братья-мусульмане – те же самые чистокровные хорваты» [19, 603]. В свою очередь, глава мусульманского духовенства Боснии, реис-уль-ислам Фетхим Спахи приветствовал создание НГХ и утверждение режима Павелича [9, 201 – 202]. Позднее мусульмане приняли активное участие в усташском геноциде сербского народа [5, 125].

Принципиально иной была политика усташей в отношении сербов, евреев и цыган. Еще в 1933 г. Павелич, формулируя принципы усташского движения, заявил, что хорватский народ для утверждения своей государственности имеет право использовать любые, в том числе и насильственные, средства [9, 43]. Весной 1941 г. усташы, действуя от имени хорватского народа, начали активно использовать данные средства. 17 апреля Павелич подписал «Закон о защите народа и государства», в соответствии с которым каждый, кто нанес ущерб государственным интересам или мог представлять потенциальную (!) угрозу государству и власти, считался государственным изменником и должен был быть приговорен к смертной казни

* *Сергей Станиславович Беляков* – студент IV курса исторического факультета Уральского государственного университета (г. Екатеринбург).

[13, 8]. Законом от 25 апреля был введен запрет на использование кириллицы (в том числе в частной переписке), нарушение которого каралось тюремным заключением [9, 47]. Закон о гражданстве (30 апреля) провозгласил гражданами НГХ лишь «арийцев», не замешанных в деятельности, направленной против усташского движения [13, 42]. Таким образом, национальные меньшинства (кроме немцев и мусульман), по сути, были поставлены вне закона. Принятый в тот же день «закон о защите арийской крови и чести хорватского народа» налагал запрет на брак и сексуальные связи с евреями [13, 43 – 44]. Изданный 3 мая закон о переходе в другую веру расписывал порядок такого перехода (подразумевался переход в католицизм). [18, 11]. С 22 мая евреев обязали носить на одежде звезду Давида («*zidovski znak*») [18, 10]. В июне аналогичная мера (ношение повязки с литерой «Р», т.е. православный) была распространена и на сербов [7]. «Закон о защите народной и арийской культуры хорватского народа» наложил запрет для «неарийцев» на занятие литературой, журналистикой, музыкой, архитектурой, кинематографией, лишив их участия в культурной жизни страны [9, 47].

Одновременно с обеспечением «правовой базы» усташки приступили к террору против сербского и еврейского населения. Лидеры усташей открыто провозглашали принципы своей национальной политики. 22 июня 1941 г. М.Будак произнес в г. Госпиче свою печально знаменитую речь, в которой заявил, что треть сербов должна быть изгнана из страны, другая треть – обращена в католичество и ассимилирована, третья – уничтожена [16]. Председатель законодательного комитета при правительстве, М.Занич, дал исчерпывающую характеристику усташской национальной политики: «Это государство, наша страна, только для хорватов и ни для кого больше. Нет таких средств, которые хорваты не использовали бы для того, чтобы сделать нашу страну действительно нашей, и очистить ее от всех православных сербов... Это политика нашего государства» [16].

Уничтожение сербского народа велось тремя способами:

- 1) «законным» – по приговорам за государственную измену;
- 2) при помощи усташских карательных экспедиций;
- 3) в концлагерях. Весной – летом 1941 г. были созданы так называемые полевые и выездные полевые суды, рассматривавшие дела о государственной измене [13, 104, 196 – 197].

Деятельность этих судов превратилась в карикатуру на правосудие. Так, 10 августа 1942 г. в Руме суд назначил для 25 подсудимых одного адвоката, который до судебного заседания ни разу не видел своих подзащитных. На защиту каждого суд «щедро» выделил по две минуты. Как правило, судили большие группы обвиняемых. 4–5 ав-

густа 1942 г. в Загребе на одной скамье подсудимых побывало 185 человек (всем им был вынесен смертный приговор). 8 августа в Стара Пазова за полчасовое заседание к смерти было приговорено 18 человек [16].

Основным средством уничтожения сербского народа стали проводимые карательными экспедициями этнические чистки. Главную роль в этих чистках сыграли разнообразные усташские формирования. Весной 1941 г. была создана сложная система усташской полиции, включавшая в себя собственно полицию, усташскую надзорную службу (для борьбы с партизанами и для охраны концлагерей), разведывательную службу, окружную полицию, жандармерию и т. п. [16]. По образцу войск СС была создана «усташская войница», особая партийная армия, ставшая ядром вооруженных сил НГХ. На местах, усташские «активисты» формировали отряды усташской милиции, численность которых уже к августу 1941 г. достигла 25 – 30 тыс. человек [4, 31]. Первая волна усташского террора пришлась на апрель 1941 г. Чистки охватили главным образом Славонию, Западный Срем, Книнскую Краину [11, 94]. В крупных городах (Загребе, Баня Лука, Сараево, Мостаре) прошли аресты видных сербов. В тот период жертвами террора стали в основном священники, учителя, торговцы, студенты, зажиточные крестьяне. Наиболее распространенный метод был таков: сербов собирали под каким-либо предлогом, затем отводили на окраину города или села и убивали, как правило, при помощи холодного оружия [11, 94]. Нередко усташки заставляли своих жертв самим рыть себе могилу, после чего их погребали в ней живьем, как это было 28 апреля в деревне Гудовац близ Бьеловара [20, 59]. В начале июня в течение нескольких дней в г. Глина усташки методично проводили в местной церкви резню сербов, истребив значительную часть местного сербского населения [17, 258 – 260].

В мае – июне соратники Павелича провели пропагандистские митинги в 35 городах НГХ, в ходе которых людям внушалась та мысль, что «сербам и евреям нет места в Хорватии» [15, 205]. Накануне Видовдана (дня памяти битвы на Косовом поле, отмечаемом 28 июня сербами как день скорби) на сербское население обрушилась новая, более мощная волна террора, охватившая обширные территории Боснии и Герцеговины. Особого размаха террор достиг в Западной Герцеговине, в районе Мостара [5, 122]. Немаловажное значение имел тот факт, что в рядах усташских карателей было немало мусульман [5, 125]. В глазах сербов это имело особое значение: террор ассоциировался с самыми страшными временами Османского ига. Истребление сербского населения усташскими головорезами продолжалось и в последующие годы войны, дополняясь новыми видами преступлений: предательскими убийствами сербских повстанцев, сдавшихся в

плен [21, 228]; казнями заложников (с октября 1941 г.) [3, 104] и т.п.

Важную роль в деле «чистки» Хорватии от нехорватов играли концлагеря. Первые лагеря были созданы летом 1941 г. в Ядовном и на острове Паг. Они стали «кузницей кадров» для концлагерей, открытых позднее [11, 95]. Весной – летом 1941 г. тысячи сербов бежали за пределы НГХ. Государство способствовало этому процессу, создавая «накопительные» лагеря, откуда людей отправляли в Сербию. Уже летом некоторые из этих лагерей начали превращаться в лагеря смерти [5, 117]. Осенью 1941 г. германское военное командование в Сербии приняло решение прекратить дальнейший прием беженцев [15, 206], что дало дополнительный импульс усташам для перехода от тактики чисток и запугивания к более методичному уничтожению сербского населения в концлагерях. 25 ноября 1941 г. был принят закон, в соответствии с которым люди, представлявшие угрозу для «общественного порядка и безопасности» или способные нарушить «мир и спокойствие хорватского народа», должны были направляться в концлагеря [3, 105]. 20 июля был принят еще один законодательный акт, расширявший категорию лиц, подлежащих помещению в концлагеря. Теперь отправке в лагерь подлежали также жены, дети, родители, братья и сестры лиц, представляющих реальную или потенциальную угрозу для режима. По сути, в лагерь без суда мог быть помещен любой серб. Решение о направлении в лагерь принимали местные отделения усташской надзорной службы [3, 105].

Концлагеря были основаны у Джакова, Сисака, Травника, Вишеграда и многих других городов и селений. Наиболее крупным лагерем был печально известный Ясеновац. В лагерях заключенных заражали тифом, сжигали живьем, травили (как правило, детей), но чаще всего убивали при помощи холодного оружия (ножей, топоров и т.п.). Югославские историки оценивали число погибших в одном только Ясеноваце в 700 тыс. человек [11, 100]. Эти данные явно завышены (напомним, что в НГХ перед началом террора проживало всего 1,9 млн. сербов и 40 тыс. евреев). Очевидно, ближе к истине цифра 100 000 погибших [12, 33].

Исключительно важную роль в поддержке усташского режима и проведении политики геноцида сыграло католическое духовенство Хорватии. Еще в 1930-х годах многие католические священники, монахи, студенты теологического факультета Загребского университета принимали участие в работе усташского подполья или в деятельности военизированных католических, националистических организаций («Братства крестоносцев» и т.п.) [14, 3 – 9]. Большая часть католических иерархов поддержала создание НГХ и установление усташского режима. Так, загребский архиепископ А.Степинац встретился с Павеличем сразу по прибытии того в Загреб и благословил

поглавника на «исполнение дела его жизни» [16]. В посланиях к священникам своих диоцезов архиепископ Степинац, епископы Акшамович, Бурич приветствовали создание НГХ [3, 76]. Особенно бурно выражал свой восторг сараевский архиепископ И.Шарич, который помимо статей и посланий сочинял восторженные стихи в честь Хорватии, усташства и Павелича [6, 806]. 26 июня, во время «видовдановской» волны террора, конференция католического епископата, проходившая под председательством Степинаца, засвидетельствовала почтение Павеличу. Степинац от лица католического духовенства Хорватии выразил готовность продолжать сотрудничество с режимом [19, 572 – 573].

Католическое духовенство играло ключевую роль в деле обращения в католицизм сербского православного населения, которое являлось важнейшей частью политики ассимиляции. Перекрещение, проводившееся насильственно, под угрозой жестокой расправы, охватывало, как правило, население целых селений. Так, в округе Босански Брода священник Стефан Кочич с помощью усташей развернул агитацию за принятие католицизма. Люди, противившиеся этому, либо бесследно исчезали, либо отправлялись в концлагеря. 11 октября почти все сербское население деревни Лиесце было торжественно крещено [3, 113 – 114]. Аналогичным образом в «клоно истинной церкви» были приняты 2300 жителей деревни Будици (недалеко от Осиека) [16]. Следует отметить, что перекрещению подлежали лишь малограмотные сербские крестьяне. Сербь, имевшие хотя бы среднее образование, а также предприниматели, священники, представители интеллигенции и даже зажиточные крестьяне и ремесленники, как «неисправимые», подлежали изгнанию или истреблению [5, 116 – 117]. Многие представители католического духовенства приняли непосредственное участие в истреблении сербского населения. Нередко усташские отряды возглавляли католические священники и монахи [6, 814]. В Ливно один францисканский проповедник обратился к верующим с такими словами: «Братья хорваты, ступайте резать сербов и, прежде всего, зарежьте мою сестру, которая вышла замуж за серба. ... Когда вы закончите свое дело, придите ко мне, я выслушаю ваши исповеди и отпущу ваши грехи» [19, 651]. Другой францисканец призывал верующих ковать ножи из серпов и кос с тем, чтобы «резать сербам глотки» [19, 654].

Тяжелый удар был нанесен по православной церкви. По различным данным в НГХ было разрушено от 255 до 450 церквей и монастырей. Те, что избежали разрушения, были переданы католикам. Все движимое и недвижимое имущество Сербской православной церкви было конфисковано в пользу НГХ. Даже само словосочетание «сербская православная церковь» было запрещено. Вместо него был введен термин «греко-восточная вера».

Геноцид сербского народа спровоцировал вооруженные выступления сербов против усташей, НГХ и хорватов вообще. Первые вооруженные столкновения между усташами и сербами относятся уже к маю 1941 г. [9, 49]. В июне 1941 г. в Восточной Герцеговине началось восстание сербских крестьян. Во главе отрядов повстанцев стояли священники, члены довоенных политических партий, бывшие офицеры югославской армии [15, 208]. Эти отряды вскоре стали известны как четнические (сербск. «чета» – отряд). С июля начали формироваться и руководимые коммунистами партизанские отряды. Действия повстанцев сопровождались актами мести, жертвами которых становились тысячи хорватов и мусульман. Первые из подобных преступлений имели место также уже в мае 1941 г. [5, 125]. К августу стало ясно, что НГХ не имеет достаточно сил для того, чтобы подавить сопротивление сербов [21, 328 – 330]. С лета – осени 1941 г. и вплоть до конца войны значительная часть территории НГХ превратилась в театр военных действий. Таким образом, усташский геноцид спровоцировал межэтническую сербо-хорвато-мусульманскую войну, переросшую в сложный конфликт с участием усташско-домобранских войск НГХ, четников, партизан, немецких и итальянских войск, который, в конечном счете, привел НГХ к гибели.

В 1943 – 1945 гг. коммунистам, взявшим на вооружение идею этнотерриториального федерализма, удалось погасить пожар межэтнической войны. Однако распад коммунистической Югославии и новый балканский кризис 1990-х годов, вновь принявший форму межэтнического конфликта, казалось, вернул времена усташского и четнического террора. Снова стали проповедоваться идеи о чистоте хорватской нации, о Хорватии – бастионе Европы, об извечном ее противостоянии с сербским Востоком. Вновь стали печататься «научные» работы, доказывающие готское происхождение хорватов. Возродилась усташская символика (в том числе в качестве новой хорватской государственной символики). Вновь оплотом хорватского национализма выступила хорватская католическая церковь [1, 322 – 350]. Новая сербо-хорватская война развернулась в тех же районах, где в годы Второй мировой проходили чистки и шли бои между усташами, четниками, партизанами: в Славонии, Западном Среме, Книнской Краине, а позднее, в период боснийского конфликта, окрестности Мостара, Сребреницы, Баня Луки вновь стали ареной столкновения сербов, хорватов и боснийских мусульман. Зверства прибывших из-за границы эмигрантов-усташей, влившихся в отряды Д.Параги, напомнили чистки 1940-х, а сербы, в свою очередь, вновь начали формировать «четы» [1, 354]. Страшный термин «чистка» (ciscenje), возникший в разгар усташского террора [5, 121], ныне обрел

мировую известность. Историческая память народов, к сожалению, не только не предостерегла их от повторения преступлений прошлого, но, оживляя воспоминания о «старых обидах», способствовала разжиганию новых межнациональных конфликтов.

Примечания

1. *Васильева Н., Гаврилов В.* Балканский тупик?.. (Историческая судьба Югославии в XX веке). М., 2000.
2. *Славин Г.М.* Расчленение Югославии и начало освободительной борьбы против фашизма. // Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1995.
3. *Станоевич Б.* Усташский министр смерти: Анатомия преступлений А.Артуковича. М., 1989.
4. *Стругар В.* Югославия в огне войны. М., 1985.
5. *Уэст Р.* Иосип Броз Тито: Власть силы. Смоленск, 1998.
6. ФНРЈ: Државна комисија за утврђивање злочина окупатора и његових помагача. Саопштење бр. 66 – 93. Београд, 1946.
7. *Цоми В.* Усташки злочини над српским свештеницима. // <http://www.mitropolija.cg.yu/istbibl/dzonic-uzlocini/index.html>.
8. *Alexander S.* Church and State in Yugoslavia since 1945. Cambridge, 1979.
9. AVNOJ i revolucija: Tematska zbirka dokumenata. 1941 – 1945. Beograd, 1983.
10. *Banac I.* The National Question in Yugoslavia: Origins, History, politics. Itaka, L. 1984.
11. *Basta M.* Agonia i slom Nezavisne drzave Hrvatske. 1941 – 1945. Beograd, 1971.
12. *Denic B.* Ethnic Nationalism: The tragic death of Yugoslavia. Minneapolis, L. 1996.
13. Dokumenti Drzavnog Odvjetnistva. Vol. I // <http://public.srce.hr/sakic/materijali/index>.
14. Dokumenti o protunarodnom radu i zlocinima jednog dijela katolickog klera. Zagreb, 1946.
15. *Lampe J.R.* Yugoslavia as History: Twice there was a country. Cambridge, 1996.
16. *Manhattan A.* The vatican's Holocaust. // <http://www.reformation.org/holocaust.html>
17. *Mitchell R.* The Serbs Choose war. N.Y., 1943. // <http://www.srpska-mreza.com/s-m2/library/fakts/mitchell.html>
18. Never Again: Ustashi Genocide in the Independent State of Croatia (NDH). Belgrade, 1992.
19. *Novak V.* Magnum Crimen: Pola vijeka klerikalizma u Hrvatskoj. Zagreb, 1948.
20. *Paris E.* Genocide in Satellite Croatia. 1941 – 1945. Chicago, 1961.
21. Zbornik dokumenata i podataka o narodno-oslobodilackom ratu naroda Jugoslavii. Beograd, 1973. T. XII, Kn.1.